

Н.С.Лесков . Некуда

Н.С. Лесков. Некуда. Роман в 3-х книгах.
Собрание сочинений в 12 томах. Москва, Издательство "Правда", 1989
OCR: Артем Чигирев/Spellcheck: Артем Чигирев

НЕКУДА

Роман в трех книгах

* Книга первая. В ПРОВИНЦИИ *

Глава первая. ТОПОЛЬ ДА БЕРЕЗКА

В трактовом селе Отраде, на постоялом дворе, ослоненном со всех сторон покрытыми соломой сараями, было еще совсем темно.

В этой темноте никак нельзя было отличить стоящего здесь господского тарантаса от окружающих его телег тяжелого троечного обоза. А около тарантаса уж ворочается какое-то существо, при этом что-то бурчит себе под нос и о чем-то вздыхает. Существо это крактит потому, что оно уже старо и что оно не в силах нынче приподнять на дугу укладистый казанский тарантас с той же молодецкою удалью, с которою оно поднимало его двадцать лет назад, увозя с своим барином соседнюю барышню. Повертевшись у тарантаса, существо подошло к окошечку постоялой горницы и слегка постучалось в раму. На стук едва слышно отозвался старческий голос, а вслед за тем нижняя половина маленького окошечка приподнялась, и в ней показалась маленькая седая голова с сбившеюся на сторону повязкой.

-- Что, Никитушка? -- спросила старушка.

-- Пора, Марина Абрамовна.

-- Пора?

-- Да холодком-то полегче отъедем.

-- Ну, пора так пора.

-- Буди барышень-то. Я уж подмазал, закладывать стану.

Никитушка опять пошел к тарантасу, разобрал лежавший на козлах пук вожжей и исчез под темным сараем, где пофыркивали отдохнувшие лошади.

Через полчаса тарантас, запряженный тройкою рослых барских лошадей, стоял у утлого крылечка. В горнице было по-прежнему темно, и на крыльце никто не показывался. Никитушка нередко позевывал, покрещивал рот и с привычною кучерскою терпеливостью смотрел на троечников, засуетившихся около своих возов. Наконец на высоком пороге двери показалась стройная девушка, покрытая большим шейным платком, который плотно охватывал ее молодую головку, перекрещивался на свежей груди и крепким узлом был завязан сзади. В руках у девушки был дорожный мешок и две подушки в ситцевых наволочках.

-- Здравствуй, Никита, -- приветливо сказала девушка, пронося в дверь свою ношу.

-- Здравствуйте, барышня, -- отвечал седой Никитушка. -- Что это вы сами-то таскаете?

-- Да так, это ведь легкое.

-- Дайте, матушка, я уложу.

И Никитушка, соскочив с козел, принял из рук барышни дорожный мешок и подушки.

-- Какое утро хорошее! -- проговорила девушка, глядя на покрывавшееся бледным утренним светом небо и загораживая ручкою зевавший ротик.

-- День, матушка Евгения Петровна, жаркий будет! Овodie проклятое доймет совсем.

-- То-то ты нас и поднял так рано.

-- Да как же, матушка! Раз, что жар, а другое дело, последняя станция до губернии-то. Близко, близко, а ведь сорок верст еще. Спознишься выехать, будет ни два ни полтора. Завтра, вон, люди говорят, Петров день; добрые люди к вечернему пойдут; Агнии Николаевне и сустреть вас некогда будет.

А пока у Никитушки шел этот разговор с Евгенией Петровной, старуха Абрамовна, рассчитавшись с заспанным дворником за самовар, горницу, овес да сено и заткнув за пазуху своего капота замшевый мешочек с деньгами, будила другую девушку, которая не оказывала никакого внимания к словам старухи и продолжала спать сладким сном молодости. Управившись с собою, Марина Абрамовна завязала узелки и корзиночки, а потом одну за другою вытащила из-под головы спящей обе подушки и понесла их к тарантасу.

-- Где ж Лиза, няня? -- спросила ее Евгения Петровна, остававшаяся все это время на крылечке.

-- Где ж, милая? Спит на голой лавке.

-- Не встала еще? -- спросила с удивлением девушка.

-- Да ведь как всегда: не разбудишь ее. Побуди поди, красавица моя, -- добавила старуха, размещая по тарантасу подушки и узелки с узелочками.

Красавица ушла с крылечка в горницу, а вслед за нею через несколько минут туда же ушла и Марина Абрамовна. Тарантас был совсем готов: только сесте да ехать. Солнышко выглянуло своим красным глазом; извозчики длинною веренищем потянулись со двора. Никитушка зевнул и как-то невольно кракнул.

-- Ну что это, сударня, глупить-то! Падает, как пьяная, -- говорила старуха, поддерживая обворожительно хорошенькое семнадцатилетнее дитя, которое никак не могло разнять слипающихся глазок и шло, опираясь на старуху и на подругу.

-- Носи ее, как ребеночка малого, -- говорила старуха, закрывая упавшую в тарантас девушку, села сама впереди против барышень под фордеком и крикнула: -- С Богом, Никитушка.

Тарантас, выехав со двора, покатился по ровной дороге, обросшей старыми высокими ракетами.

Глава вторая. КТО ЕДЕТ В ТАРАНТАСЕ

Мелодическое погромыживание в тон подобранных бубенчиков и тихая качка тарантаса, потряхивающегося на гибких, пружинистых дрогах, в союзе с ласкающим ветерком раннего утра, навели сон и дрему на всех едущих в тарантасе. То густые потемки, то серый полумрак раннего утра не позволяли нам рассмотреть этого общества, и мы сделаем это теперь, когда единственный неспящий член его, кучер Никитушка, глядя на лошадей, не может заметить нашего присутствия в тарантасе.

Направо, уткнувшись растрепанною, курчавою головкою в мягкую пуховую подушку, спит Лизавета Егоровна Бахарева. Ей семнадцать лет, она очень стройна, но не высока ростом. У ней прелестные, густые каштановые волосы, выхлещенные у лба, как часто бывает у молодых французенок. Овал ее лица несколько кругл, щеки дышат здоровым румянцем, сильно пробивающимся сквозь несколько смуглый цвет ее кожи. На висках видны тоненькие голубые жилки, бьющиеся молодой кровью. Глаз ее теперь нельзя видеть, потому что они закрыты длинными ресницами, но в институте, из которого она возвращается к домашним ларам, всегда говорили, что ни у кого нет таких прелестных глаз, как у Лизы Бахаревой. Все ее личико с несколько вздернутым, так сказать